

А. И. Казарин

ТЮРГО КАК ФИЛОСОФ И ИСТОРИК

Французский ежегодник 1961

М.: Наука. 1962. С.75-94

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Один из крупнейших французских просветителей второй половины XVIII в. Тюрго (1727—1781) создал ряд поистине замечательных для своего времени произведений. Вместе с тем Тюрго про-

явил себя не только как выдающийся ученый, но и как крупный политический деятель прогрессивного направления¹. В качестве интенданта, а затем министра он стремился освободить Францию от сковывавших ее экономическое и политическое развитие пережитков феодализма и направить ее по пути капитализма. Тюрго был противником привилегий дворянства и духовенства, сторонником уравнивания в правах всех сословий. Он считал самым выгодным для нации и государства капиталистический способ производства, который, по его мнению, один только был в состоянии вывести Францию из тяжелых экономических затруднений и поставить государство на прочную основу. По меткому замечанию Маркса, деятельность Тюрго «была введением к французской революции», он «пытался предвосхитить мероприятия французской революции»². С величайшим уважением относились к нему почти все просветители, являвшиеся свидетелями его деятельности, хотя они во многом не соглашались с ним. Его высоко ценили русские прогрессивные деятели. В 1885 г. ему посвятил прочувствованную статью русский демократ Н. В. Шелгунов³. Еще раньше Н. Г. Чернышевский перевел и опубликовал в «Современнике» со своими вступительными замечаниями главу из книги Луи Блана «История Великой французской революции», посвященную Тюрго. Так как имя Луи Блана было тогда в России под запретом, Чернышевский не назвал его, ограничившись указанием, что он не является автором приводимого им отрывка⁴.

Все это обязывает нас отнестись с максимальным вниманием к характеристике Тюрго и его мировоззрения. Западноевропейская литература о Тюрго весьма богата. Иначе обстоит дело с русской литературой о нем.

¹ См. Г. Е. Афанасьев. Главные моменты министерской деятельности Тюрго и их значение. Одесса, 1884.

² К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 38.

³ «Русская мысль», 1885, кн. VIII.

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. V. [М.], 1950, стр. 293.

После выхода книг Г. Е. Афанасьева в 1884 и 1886 гг.⁵ и статьи Н. В. Шелгунова в 1885 г.⁶ у нас лишь в 1924 г. появилась популярная и притом не ставившая себе никаких научных задач брошюра Я. М. Захера «Тюрго». Никаких специальных исследований о Тюрго с тех пор не публиковалось. Правда, в различных монографических и сводных работах имя его упоминается довольно часто⁷. Но до сих пор не было сделано ни одной попытки изучить развитие его мировоззрения и определить его место в истории французской философской и общественно-политической мысли на основе использования всех материалов о его жизни и деятельности. Особое внимание при этом необходимо уделить его роли в борьбе за веротерпимость, которая совпала с борьбой Вольтера, Гельвеция, Дидро и других великих просветителей против религии и церкви, за торжество науки и просвещения.

Тюрго родился в 1727 г. в Париже. Он был младшим сыном дворянина и предназначался отцом к духовному званию. Тюрго учился в Сорбонне и получил степень лиценциата⁸. Но все более широко распространявшееся во Франции 50-х годов XVIII в. свободомыслие очень рано захватило и его. Он много читал. Круг его чтения был очень широк и отнюдь не ограничивался чисто богословской литературой. Тюрго был хорошо осведомлен не только о спорах янсенистов с иезуитами, о пререканиях парламентов с королем, о придворных интригах и о борьбе за власть среди высшего духовенства. Он знал «Персидские письма», «Размышления о причинах величия и падения Рима» и «О духе законов» Монтескье, «Послание к Жюли», «Письма об англичанах» и другие сочинения Вольтера, «Философские мысли» Дидро, а может быть, также и те сочинения, проникнутые духом материализма и атеизма, которые, подобно «Письму Трасибула к Левкиппе» Николая Фрере и «Философу» Дюмарсе, ходили в списках от руки как подпольная литература. Если учесть дух времени и настроения молодежи, то в этом нет ничего невероятного⁹. Как человек большого ума, тонко ощущавший противоречия современной действительности, Тюрго не мог относиться равнодушно к тому, что волновало его современников.

Одним из доказательств того, насколько широк был круг его чтения, является хотя бы то, что Тюрго читал знаменитое сочинение Джорджа Беркли «Трактат о началах человеческого знания», вышедший в 1710 г. на английском языке в Лондоне. Тюрго прочел его в подлиннике (перевода этой книги на французский язык еще не было) не позднее 1750 г., т. е. в возрасте всего 23 лет. Тогда же он пишет о ней в письмах к аббату Спсэ,

⁵ Г. А. Афанасьев. Главные моменты министерской деятельности Тюрго. Одесса, 1884; его же. Очерк деятельности Тюрго. Одесса, 1886.

⁶ Н. В. Шелгунов. Тюрго.— «Русская мысль», 1885, кн. VIII.

⁷ М. М. Ковалевский. Происхождение современной демократии, т. I, ч. 1 и 2. М., 1901; И. В. Лучицкий. Тюрго. Статья в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, т. 67; А. Шахов. Вольтер и его время. СПб., 1907; А. Н. Миклашевский. История политической экономики. Юрьев, 1909; А. И. Чулков. История политической экономики (имеется несколько изданий); И. И. Иванюков. Основные положения теории экономической политики с А. Смита до настоящего времени. М., 1880; О. А. Старосельская-Никитина. Очерки по истории науки и техники периода французской буржуазной революции (1789—1794 гг.). М., 1946; А. М. Деборин. Социально-политические учения нового времени, т. 1. М., 1958; В. П. Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед революцией. М., 1940.

⁸ J.-A. Condorcet. La vie de Turgot. Berne, 1787; Du Pont de Nemours. Mémoires sur la vie et les ouvrages de Turgot. Philadelphia, 1782.

⁹ См. И. Вороницын. История атеизма. М., 1930, стр. 215—228, а также Ф. Рокен. Движение общественной мысли во Франции до революции, кн. IV. СПб., 1902.

показывающих, как глубоко он разбирается в вопросах теории познания, и свидетельствующих также о том, что он был знаком с сочинениями аббата Кондильяка, и в особенности с его «Трактатом о системах», вышедшим в свет в 1749 г.

Но жизнь ставила перед молодым Тюрго не только философские вопросы. То было время чрезвычайного обострения продовольственного положения страны. В ряде мест происходили народные волнения и восстания на почве острого недостатка хлеба¹⁰. Д'Аржансон сообщает в своем дневнике: «Теперь из-за плохого управления только и говорят, что о необходимости революции»¹¹. Росла ненависть народных масс к Людовику XV и окружающим его лицам, ко всему общественно-политическому строю тогдашней Франции. Не думать о хлебе, о положении крестьянства, о взаимоотношениях сословий, о будущем родины было невозможно.

Нет ничего удивительного, что Тюрго занимался и богословием, и философией, и историей, и вопросами государственного управления, и юриспруденцией, и положением сельского хозяйства, ремесла, торговли, и дорожным строительством, и финансами, и вопросами народного образования, и развитием наук и искусств. Сама жизнь заставляла Тюрго быть разносторонне образованным человеком, требовала энциклопедической широты кругозора, и, откликаясь на ее запросы, он стал энциклопедистом до того, как Дидро привлек его к сотрудничеству в «Энциклопедии».

Но энциклопедизм Тюрго был весьма своеобразным, не похожим ни на энциклопедизм Вольтера, ни на энциклопедизм Дидро, ни на энциклопедизм Монтескье. Чем больше жизнь толкала Тюрго к борьбе с существующим строем, тем решительнее стремился он сохранить с ним связь и излечить его путем реформ. Он мог бы, как аббат Мабли или Дидро, стать свободным литератором, жить на средства от литературного труда или заниматься наукой в качестве официального ученого, как Монтескье или Фрере.

Но его тянула сфера государственной практической деятельности. В 1752 г. Тюрго стал членом Парижского парламента и помощником генерального прокурора. Идя по ступеням административной лестницы, он в 1753 г. получил чин рекетмейстера, а в 1761 г. был назначен интендантом провинции Лимузен. Но он сумел сохранить самостоятельность своего мышления и на этом посту. Более того, его связи с Дидро и «Энциклопедией» за это время укрепились. За десять лет, с 1751 по 1761 г., он еще сильнее проникся просветительскими идеями. Его мировоззрение было близко к мировоззрению не только Фрере и Монтескье, но и Дидро, Гельвеция, Кондильяка, Франсуа Кенэ, а в некоторых отношениях и Вольтера.

Это выразилось, во-первых, в том, что взгляды Тюрго носили антирелигиозный и рационалистический характер. Ему была чужда вера в таинственные сверхъестественные силы и чудеса. Метафизике Тюрго противопоставлял физику и смотрел на мир с точки зрения современного ему естествознания. Разумеется, что, будучи чиновником, признать это открыто перед всеми он не мог. Он называл себя христианином и верноподданым, но в таком же смысле, как Монтескье, хотя и не написал чего-либо подобного «Персидским письмам». Он был, в сущности, деистом. Достаточно прочесть его ранние произведения, чтобы убедиться, что он читал и изучал «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля и «Опыты»

¹⁰ Г. Афанасьев. Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке. Одесса, 1892.

¹¹ D'Ar g e n s o n. Mémoires et correspondance, t. VI, p. 404

Мишеля Монтеня, сочинения Бекона и Декарта, Томаса Гоббса и Гуго Гроция. Он хорошо усвоил выводы скептической философии XVII в. в отношении священного писания и священной истории. Концепция всемирной истории Боссюэ была для него неприемлема. Он отверг ее еще в юности. Как и для Гроция, для него постоянным источником знания были античные философы, поэты и писатели, писавшие на исторические темы. Им он доверял гораздо больше, чем христианским писателям, когда речь шла об установлении тех или иных фактов и их смысла.

Во-вторых, его взгляды на сущность познания носили сенсуалистический характер. Он пытался сочетать рационализм Декарта с сенсуализмом Джона Локка. Это было видно уже в его сочинении «Философские размышления о происхождении языков и о значении слов», в котором Тюрго заявил, что «всем народам свойственны одни и те же чувства, а идеи образуются посредством чувств»¹².

В-третьих (и это особенно важно), его мысль билась вокруг идеи развития. Тюрго стремился преодолеть метафизическую ограниченность, свойственную естествознанию и общественной науке XVIII в., и встать на историческую точку зрения. В возрасте 23 лет Тюрго выступил с «Рассуждениями о всеобщей истории»¹³ и с речью «О прогрессе человеческого разума»¹⁴, произнесенной 11 декабря 1750 г. в Сорбонне. В этих произведениях он сделал попытку определить характер исторического развития, его причины и движущие силы. И хотя он подчеркивал, что «подчиненные постоянным законам явления природы заключены в круге всегда одинаковых переворотов»¹⁵, показывая тем самым, что понимает развитие как движение по кругу, повторяемое до бесконечности, он присоединился не к тем, которые отстаивали традиционные исторические взгляды, освященные католической церковью и поддерживаемые ее авторитетом, а к представителям современного естествознания и «социальной физики», т. е. к Бюффону, Монтескье, Николаю Фрере, Ламетри, Вольтеру, Буланже, Дюмарсе, Мабли, Кондильяку и Дидро. Тюрго стремился понять исторический процесс как некое единое целое, во взаимосвязи всех его элементов. История человеческого общества рассматривалась им как часть истории природы, развивающаяся по своим собственным законам. Правда, своеобразие этих законов Тюрго еще не было ясно. Но он уже близко подошел к пониманию того, что люди сами делают свою историю, притом не по своему произволу, а под давлением окружающих их обстоятельств, под влиянием окружающей их природы и унаследованного от предшествующих поколений опыта. Если в природе происходит вечное повторение одного и того же, то в человеческой истории уже есть прогресс, т. е. последовательное движение вперед, восхождение от низшего к высшему. «Все рождается, все погибает»¹⁶. Но если в «последовательной смене поколений, через которую воспроизводятся растения и животные, время в каждый данный момент лишь восстанавливает образ того, что оно разрушило»¹⁷, то в истории общества, заявлял Тюрго, «последовательная смена поколений, наоборот, представляет из века в век меняющееся зрелище. Разум, страсти, свобода порождают беспрерывно новые события. Все эпохи связаны цепью

¹² А. Р. Тюрго. Избранные философские произведения. М., 1937, стр. 12. См «Remarques critiques sur les Reflexions philosophiques de M. de Maupertuis sur l'origine des langues et la signification des mots». — «Oeuvres de Turgot», t. II. Paris, 1844, p. 709—724.

¹³ «Oeuvres de Turgot», t. II, p. 626—668.

¹⁴ Ibid., p. 597—611.

¹⁵ Ibid., p. 597.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibidem.

причин и следствий, которые соединяют современное состояние мира со всеми ему предшествовавшими»¹⁸.

Этот тезис был большим шагом вперед и свидетельствовал о том, что Тюрго сближался с историческими воззрениями Джамбатиста Вико, изложенными им в его «Новой науке об общей природе наций»¹⁹. Однако нет никаких доказательств того, что Тюрго тогда или позднее читал эту книгу. В его сочинениях нет ни прямых ссылок на Вико, ни упоминания его имени. И тем не менее наличие некоторых общих черт в их исторических воззрениях не подлежит сомнению. Эти общие черты состоят не только в установлении ими связи настоящего с прошлым в виде цепи причин и следствий, но и в выделении общих ступеней исторического развития у всех народов, в признании определенной повторяемости стадий общественно-исторического развития. Как и Вико, Тюрго стремился познать историю на основе общей природы народов. Но эту общую природу народов и наций Тюрго понимал несколько иначе, чем Вико. Как и все французские просветители-материалисты XVIII в., Тюрго рассматривал ее прежде всего с точки зрения единства физической природы человека и являющейся его следствием общности потребностей человека.

Рассматривая человека как существо физическое, которое для обеспечения своего существования вынуждено заботиться об удовлетворении своих насущных потребностей в пище, одежде и жилище, т. е. вынуждено трудиться, Тюрго от философии истории и социологии по необходимости должен был перейти к политической экономии. И такой переход Тюрго действительно совершил. Занятия политической экономией явились новой формой его философской деятельности. Начальные элементы этого перехода видны не только в «Рассуждениях о всеобщей истории», но и в других его ранних работах.

На эту внутреннюю логику его умственного развития исследователи не обращали должного внимания. Переход Тюрго к изучению вопросов политической экономии рассматривался главным образом как следствие его административной деятельности в качестве интенданта и министра²⁰. Внутренняя связь между его ранними увлечениями философией, философией истории и социологией игнорировалась, конечно, не по злому умыслу исследователей.

Переход от философии к политической экономии совершил тогда же один Тюрго. Врач и философ Франсуа Кенэ, представитель старшего поколения просветителей, сверстник Вольтера, от медицины через своеобразный естественнонаучный материализм также пришел к политической экономии как логическому результату философского обобщения своих занятий по медицине, физиологии и физике. Главным теоретическим выводом из этих занятий явилась у Кенэ идея обмена веществ в природе и обществе по принципу эквивалентности, которая привела его к изобретению «Экономической таблицы», явилась ее теоретическим фундаментом и легла в основание его физиократического понимания политической экономии.

¹⁸ Ibid., p. 597—598.

¹⁹ G. B. Vico. Principii di una scienza nouva d'intorno alla commune natura delle nazioni. 1725; 2-е изд.—1730; Русск. пер. этой книги: Джамбатиста Вико. Основания новой науки об общей природе наций. М., 1940. Вступ. статья М. А. Лившица «Джамбатиста Вико». Кроме этой великолепной статьи о Вико, см.: М. М. Стасюлевич. Философия истории в главнейших ее системах. 1865; 2-е изд.—СПб., 1902; Р. Ю. Виппер. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. Иваново-Вознесенск, 1925; В. И. Герье. Философия истории от Августина до Гегеля. М., 1915.

²⁰ См. A. V. Turgot, philosophe, économiste et administrateur. Paris, 1864; А. Онкен. История политической экономии до Адама Смита. СПб., 1908; Луиджи Косса. История экономических учений. Киев — Харьков, 1900, стр. 236 сл.

Таким образом, физиократизм Франсуа Кенэ был особой разновидностью «социальной физики»²¹. Ему была свойственна тенденция рассматривать законы общества в качестве некоей модификации законов природы. Франсуа Кенэ был склонен сближать законы, управляющие миром животных, с законами, управляющими человеческим обществом.

Но Тюрго уже видел ошибочность подобного сближения. Чтобы подчеркнуть своеобразие закономерностей развития общества, их несводимость к законам физиологии и физики, он указывал: «Человек, как и животные, идет по стопам тех, кто дал ему жизнь, и он видит себе подобных, как и они, распространенными по обитаемой поверхности земного шара. Но имея более обширный ум и более активную свободу, он вступает с ними в значительно более многочисленные и разнообразные отношения. Владея сокровищем знаков (*des signes*), которые он имел возможность умножить почти до бесконечности, он может обеспечить себе обладание всеми усвоенными идеями, сообщать их другим людям и передавать своему потомству как постоянно увеличивающееся наследство»²².

Благодаря уму человека и его творческой активности история человеческого рода является движением ко все большему совершенству в противоположность природе, которая движется по кругу. «Историю человеческого рода, в которой каждый человек не более как часть опрощенного целого, имеющего, как и он, свое детство и свой прогресс, образует непрерывное сочетание этого прогресса со страстями и обусловливаемыми ими событиями»²³.

Христианская церковь видела в страстях отрицательное начало человеческой истории, а умение их подавлять или, по меньшей мере, обуздывать считала величайшей добродетелью, достигаемой с помощью религии. Хотя молодой Тюрго, автор «Рассуждений о всеобщей истории», и не причислял себя к противникам христианства, а подчеркивал, что верит в бога и считает христианскую религию наилучшей, в вопросе о страстях он, в сущности, присоединялся к точке зрения Дидро, изложенной им еще в «Философских мыслях». Его основная мысль ясна: страсти — великая сила, фактор прогресса. Тюрго мог бы вместе с Дидро сказать, что «умеренные страсти — удел заурядных людей. Подавленные страсти низводят выдающихся людей с их высоты. Принуждение уничтожает величие и энергию природы»²⁴.

Так как Тюрго пришлось выступать в Сорбонне, то естественно, что он должен был выражаться осторожно, чтобы не вызвать скандала и не стяжать себе репутацию безбожника или деиста, что в условиях середины XVIII в. было более или менее равнозначно. Тюрго осторожно маневрировал, используя приемы, применявшиеся Монтескье. Напомним еще раз: он писал не для подпольных анонимных изданий, а для публичного выступления в Сорбонне. Сорбонна в те годы взяла на себя идейную борьбу против распространения деизма и атеизма, их опровержение средствами теологии, хотя в ее собственной среде новые философские идеи приобрели немалое число тайных поклонников, что и сделало возможным выступление Тюрго. Тем не менее рискованность такого выступления все же была очевидной. Идти в Сорбонну с защитой откровенно просветительских взглядов по вопросам философии истории было в высшей степени опасно. Поэтому высказаться с полной ясностью Тюрго не мог. И все же он не побоялся изложить свои взгляды.

²¹ См. о ней: Е. Слекторский. Проблема социальной физики в XVII столетии, т. I и II. Киев, 1917.

²² «Oeuvres de Turgot», t. II, p. 627.

²³ Ibidem.

²⁴ Дени Дидро. Сочинения, т. I. М., 1935, стр. 92.

В противовес «Discours sur l'histoire universelle» Боссюэ, истолковывавшего всемирную историю с теологической точки зрения как осуществление божественных целей и проявление мудрости божьей, Тюрго рассматривал всемирную историю как картину последовательных успехов человеческого рода с объяснением и подробным изучением обусловивших их причин. Но, как заметил Дюпон де Немур, характеру Тюрго «не было свойственно обесценивать известный труд и приносить великого человека»²⁵. Поэтому он не полемизировал с Боссюэ в открытой форме, а предпочел просто изложить свою концепцию всемирной истории, представив ее своим читателям и слушателям в качестве простого продолжения и расширения рамок того, что сделали его предшественники, талантам которых он отдавал дань уважения²⁶.

В концепции Боссюэ разум если и не был вовсе исключен в качестве фактора исторического процесса, то был принижен, отодвинут на задний план и играл жалкую роль. Прославляя всемогущество бога и торжество христианства как единственной истинной религии, Боссюэ неизбежно придавал истории фаталистический характер и принижал значение умственной и практической деятельности человека, разума и науки, искусства, сельского хозяйства, торговли и промышленности, роста культуры. С его точки зрения, все это было мелким и ничтожным, человеческой суетой. Историческая концепция Боссюэ преисполнена пессимизма.

Тюрго, в противовес Боссюэ, прославлял не только человеческий разум, его неустанное стремление к познанию окружающего мира и всей вселенной, но и человеческую активность, хозяйственную и иную деятельность, смелые дерзания, веру в свои силы. Историческая концепция Тюрго глубоко оптимистична, хотя он отнюдь не был доволен ходом мировой истории и отнюдь не думал, что в ней всегда торжествовал разум. Она не представлялась ему и осуществлением справедливости. Тюрго отлично видел многочисленные противоречия и несуразности общественной жизни, одним из проявлений которых была страшная нищета народных масс. Но он был далек от того, чтобы рассматривать их как наказание, ниспосланное людям богом за их преступления. Никаких исторических чудес Тюрго не признавал, ничего сверхъестественного в истории он не видел. Хотя он заявлял, что «вся вселенная говорит мне об изначальном существе»²⁷, это было простой данью окружающим обстоятельствам. Если в исторической концепции Боссюэ бог являлся органической составной частью мировой истории, ее главным действующим лицом и внутренней целью, то в исторической концепции Тюрго он не более как теологический привесок. Ему не отведено никакой роли. Признание его бытия никак не влияет ни на изложение хода исторических событий, ни на характеристику исторических и социальных законов. По существу историческую концепцию Тюрго можно считать атеистичной. Здесь еще раз проявилась его идейная близость к Николаю Фрере, Ламетри, Дюмарсе и Дидро, несмотря на то, что о них он не упоминал и на их сочинения не делал ссылок²⁸.

Тюрго настойчиво подчеркивал необходимость каузального объяснения событий мировой истории как цепи причин и следствий. Надо изучать, доказывал он, не только факты, но и причины, вызвавшие эти факты «Всемирная история обнимает собой рассмотрение последовательных успе-

²⁵ «Oeuvres de Turgot», t. II, p. 627. Подстрочное примечание Дюпон де Немура

²⁶ Ibid., p. 626—627.

²⁷ Ibid., p. 628. Русск. пер. см.: А. Р. Тюрго. Избранные философские произведения. М., 1937, стр. 79.

²⁸ Вопрос об отношении Тюрго к религии и атеизму требует специального рассмотрения.

хов человеческого рода и подробное изучение вызвавших их причин»²⁹. Без познания причин мировых событий и их взаимосвязи не существует истории как науки. Исходя из этого, Тюрго в кратких чертах набросал общий план построения исторической науки. «Первые шаги людей; образование и смешение народов; происхождение правительств и революций; развитие языков, физики, нравов, наук, ремесел и искусств; революции, посредством которых одни империи сменялись другими, одни народы другими, одни религии другими. Человеческий род во всех этих потрясениях оставался неизменным, как морская вода во время бури, и всегда шел к своему усовершенствованию»³⁰.

Старую дилемму, что лучше — античность или новое время, Тюрго решал в полном согласии с представителями французского классицизма XVII в. Перро и Паскалем. Для него не подлежало сомнению, что древнегреческие и древнеримские мыслители в сравнении с людьми XVIII в. не более как гениальные дети. Бессспорно, правы те исследователи, которые указывали на прямую связь учения Тюрго об историческом прогрессе со взглядами Паскаля и Перро³¹. Это разумеется, вовсе не означает, что учение Тюрго об историческом прогрессе было простым повторением воззрений философов XVII и первой половины XVIII в. Его превосходство над ними бросается в глаза.

Большая глубина учения Тюрго была обусловлена тем, что он стоял на плечах Пьера Бейля, Фрере, Жана Мелье, Монтескье, Ламетри, Дюмарсе, Дидро и других просветителей. Скептик и просветитель Пьер Бейль своим «Историческим и критическим словарем» проделал огромную разрушительную работу, подорвавшую сильнеешим образом идейные позиции сторонников картезианства и учения о двойственной истине, которого придерживались Паскаль и Перро. Сторонники прогресса уже не могли теперь жить в мире с религией и церковью. Учение о прогрессе необходимым образом принимало антицерковный и антитеологический характер. Более того, явно или тайно оно проникалось симпатиями к республиканизму, к народовластию. К этому толкала вся политическая обстановка во Франции середины XVIII в.: методы правления Людовика XV, развал финансов, непрерывное ухудшение экономического положения страны.

Создалось парадоксальное положение — в число противников монархии стали переходить даже люди, верно служившие ей: д'Аржансон, Мабли и многие другие. В таком же положении оказался и Тюрго. Причины этого вскрыл еще д'Аржансон. «Монархия, — писал он в 1751 г. — вызывает отрицательное отношение к себе наглядным примером»³². Все слои общества недовольны. «Так как горючего материала повсюду много, то бунт может перейти в восстание, а восстание в революцию, во время которой будут избраны настоящие народные трибуны, комиции, коммуны, а король и его министры будут лишены права приносить вред»³³.

И тем не менее ни д'Аржансон, ни Тюрго не мечтали тогда об уничтожении королевской власти и установлении республики. Их желания не шли дальше стремления положить конец правительственному произволу и анархии в управлении, установить законность и порядок, которые могли бы обеспечить прогрессивное развитие французской нации. Тюрго был убежден, что без свободы и веротерпимости, без устранения произвола никакой экономической и политической прогресс невозможен. Свободу

²⁹ «Oeuvres de Turgot», t. II, p. 627 (русск. пер., стр. 78).

³⁰ Oeuvres de Turgot», t. II, p. 628.

³¹ Ив. И в а н о в. Сен Симон и сен-симонизм. М., 1901, стр. 87.

³² D'Ar g e n s o n. Mémoires et correspondance, t. VI, janvier 30 1751, p. 330.

³³ Ibid., t. VI, septembre 1751, p. 464.

умственной деятельности он считал главным условием прогресса. Науку, философию, искусство не должно стеснять ничто. История должна быть освобождена от апологетических задач. Недопустимо вменять в обязанность историков восхваление царствующих особ и власть имущих, религии и церкви. Чтобы история стала наукой, ей необходимо расширить свои рамки и перестать быть историей царей, министров и полководцев. Она должна стать историей народов, историей успехов наук и искусств, историей письменности и языков, историей мирного общения и сотрудничества наций.

Таковы были основные идеи, выдвинутые молодым Тюрго в области истории. Их реализация привела бы к перевороту в исторической науке и покончила бы со всем тем, что насаждалось церковью и было унаследовано от средневековья. Это была программа полного освобождения исторической науки от теологии, от влияния всякого рода авторитетов.

Но Тюрго не был последователен в своих исторических взглядах. В противоречии со всем ходом своих рассуждений он отдавал известную дань уважения священному писанию и христианским мифам как якобы нерушимым историческим истинам. С этой стороны он явно уступал не только Фрерс, Булашже, Вольтеру, Дюмарссу и Ламетри, но и молодому Дидро, уже издавшему «Прогулки скептика, или Аллен», написанные им еще в 1747 г. и подвергавшие сомнению не только акт божественного сотворения мира, но даже и историчность личности Иисуса Христа. Трудно допустить, что Тюрго не знал этого напущенного произведения. Еще труднее допустить, будто он верил в то, что священные книги просвещают нас о создании вселенной, о происхождении людей и зарождении примитивных искусств и ремесел³⁴. Скорее всего, что это — тяжелая дань Сорбонне.

Но еще бóльшая дань этому учреждению была уплачена им в его речи от 3 июля 1750 г., которую он озаглавил: «О выгодах, которые принесло человечеству установление христианства»³⁵. Поэтому его выступления в Сорбонне не привели к зачислению его в число людей неблагонадежных, не помешали ему в дальнейшем стать интендантом и министром. По-видимому, современникам было не очень ясно, насколько историческая концепция Тюрго противоположна по своему духу исторической концепции Боссюэ. Не вызывало большого недоумения и то, что Тюрго стал сотрудничать в «Энциклопедии», ибо Дидро нарочно привлекал для написания статей по ряду вопросов, в особенности богословских, людей, известных своим консерватизмом, приверженностью к существующему строю. Их статьи были хорошим прикрытием для других статей, выражавших основные тенденции и действительные цели руководителя «Энциклопедии».

Следует признать, что догматическое рассмотрение не только содержания «Энциклопедии», но и трудов просветителей в целом способно привести к самым вздорным выводам. Нельзя забывать того, что, применяясь к создавшимся условиям, просветители были вынуждены выражать свои мысли по-разному и прикрывать их благонадежной внешностью. Когда Дидро писал в 1749 г., что он верит в бога и живет в мире с атеистами³⁶, то это хорошо выражало характер подобного приспособления.

Само собой разумеется, что и Тюрго не мог обойтись без таких маневров. Стоит вдуматься в его похвалы христианству, чтобы стало ясно, как искусно использовал он фразеологию апологетов христианства для выражения своих просветительских взглядов, прямо противоположных по своему существу воззрениям этих апологетов. Это заметно даже в его

³⁴ См. «Oeuvres de Turgot», t. II, p. 598 (русск. пер. стр. 57).

³⁵ Ibid., p. 586 sqq., 597.

³⁶ D. Diderot. Correspondence, t. I. Paris, 1955, p. 78.

кратких описаниях состояния Римской империи во времена раннего христианства. «Странную картину представлял мир перед возникновением христианства! Все народы были погрязли в самые страшные суеверия; обожествлены произведения искусства, самые низкие души, даже страсти и пороки, самое отвратительное разложение нравов освящалось божественным примером, а нередко и гражданскими законами»³⁷. Эта яркая картина прошлого во многом перекликалась с современностью. Ее подтекстом являлось ясно выраженное мнение о пользе очищения нравов и просвещения умов. Немного нужно было сообразительности, чтобы почувствовать невысказанную, но ясно осязаемую мысль оратора, которому были ненавистны подлые страсти, низкие души и отвратительное разложение нравов, освящаемые религией, королевской властью и устаревшими, средневековыми законами. Важно было не только то, что было высказано, а и то, что не было высказано прямо, а вошло в подтекст. В этом отношении имело значение и данное Тюрго описание возникновения христианства: «Появился Иисус Христос. Он принес новое учение. Он сообщил людям, что свет откроется для них, что добродетель будет лучше понята, лучше осуществлена; счастье должно явиться ее следствием. Религия разольется по земле, и люди станут просвещеннее, добродетельнее, счастливее, ближе друг к другу и откроют раз навсегда выгоды христианства»³⁸.

Уже в этой речи он доказывал, что человек может совершенствоваться, и при этом как бы отбрасывал христианское учение о греховности и несправивности человеческой природы, о бренности всего земного.

Тюрго заявлял: «Природа дала всем людям право быть счастливыми»³⁹. Но как реализовать это право? Посредством активной деятельности. Природа наделила людей всем, что необходимо для достижения счастья. «Потребности, желания и страсти, которые разум комбинирует тысячами способов, вот силы, которыми природа наделила людей для достижения счастья. Но слишком ограниченные в своих взглядах, со слишком ничтожными интересами и почти всегда противопоставляющими одних другим в поисках частных выгод, люди нуждаются в помощи высшей власти, возвышенной идеи, которая, включая в себя счастье всех, может направить к единой цели и согласовать столь различные интересы»⁴⁰. Государственная власть, построенная на разумных основаниях, управляет, никого не стесняя, развивая самостоятельность и свободу, поощряя науки и искусства, облегчая удовлетворение всех естественных потребностей, способствуя всестороннему прогрессу. Она должна быть терпимой к различным религиозным верованиям и различным взглядам. Она никого не должна притеснять. Она должна способствовать развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли. Он сравнивает торговлю с водой, которая объединяет все части света. Но для того чтобы вода не затопила всю землю и не образовала сплошного моря, губящего все, что развивается, падо, чтобы горы поднялись под облаками и, концентрируя вокруг своих вершин пар из воздуха, регулировали движение воды, распределяя повсюду приносимые ею блага. Такими горами является верховная власть. Она должна соподчинить друг другу необходимым образом все силы в государстве, мудро распределять зависимость и власть, чтобы объединить всех. «Таковы,— добавляет Тюрго,— основные руководящие положения, которые определяют пути улучшения политических обществ, мудрость и справедливость законов, укрепление власти. Законы, предусматривающие все

³⁷ «Oeuvres de Turgot», t. II, p. 587.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., p. 592

⁴⁰ Ibidem.

отношения между людьми, какие могут создать природа или обстоятельства, уравнивающие все условия, подобно искусному лодчману, умеющему идти против ветра, правильно расположив свои паруса, полностью подчиняют общему счастью интересы, страсти и частные пороки. Власть, установленная на этом прочном фундаменте, обуздывает независимость без подавления свободы. В двух словах, сделать общество счастливым и обеспечить его длительное существование — вот цель политических усовершенствований»⁴¹.

Это была, бесспорно, буржуазная по своей классовой сущности социально-политическая программа государственных реформ, которую Тюрго изложил в речи, посвященной как будто бы сугубо академической теме исторического характера. Лишь местами в этой речи он делал отступления от ее действительной темы в виде небольших экскурсов в историю христианства. Так, после изложенных выше рассуждений он заявил, что, исходя из этих принципов, легко установить, как с помощью христианства было улучшено искусство государственного управления. Он дал отрицательную оценку законодательной деятельности Ликурга и критически отозвался о древних законодателях. «Первые законодатели,— говорил он,— были обыкновенными людьми, и выработанные ими законы носили на себе печать их слабостей»⁴². Не надо оглядываться назад, стремясь улучшить общественное устройство. Несчастье народов состояло в том, что законодатели придерживались ложных систем, что они не были достаточно просвещенными людьми.

Итак, уже в ранних работах Тюрго его теория прогресса была изложена с полной ясностью. Речь от 3 июля 1750 г. в Сорбонне, которую мы цитировали,— первое звено в этой цепи. Она неразрывно связана как с его второй речью в Сорбонне, которую он произнес 11 декабря 1750 г., так и с его «Рассуждениями о всеобщей истории». Все эти произведения написаны в течение одного года и развивают отдельные стороны одной и той же темы. Сюда же надо отнести отрывок «Политическая география»⁴³, который представляет значительный интерес для характеристики развития мировоззрения Тюрго.

Хотя Тюрго и не искал в прошлом образцов государственного и социального устройства и политической мудрости, как это стали делать позднее Мабли и некоторые другие французские просветители XVIII в.⁴⁴, это вовсе не означало, что история, с его точки зрения, не имела практического значения. Тюрго тоже смотрел на нее как на мудрую наставницу, полезную главным образом своими отрицательными примерами и проявляющимися в ней всеобщими социальными и историческими законами. Обращение к прошлому, с его точки зрения, необходимо для правильного понимания задач настоящего. Оно было для Тюрго в то же время и одним из способов критики современности.

На примерах прошлого было легче всего обнаружить несостоятельность определенных систем управления и политических принципов, исходя из того, что в истории имеет место повторяемость. В настоящем, доказывал он, воспроизведены некоторые коллизии и системы прошлого. Тюрго указывал на одновременное географическое сосуществование различных форм общественного и государственного устройства, которые можно было бы расположить в хронологическом порядке как более ранние

⁴¹ Ibid., p. 593.

⁴² Ibidem.

⁴³ Ibid., p. 614—620.

⁴⁴ См. нашу статью «Мабли как гуманист и мыслитель». — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 2.

и более поздние, сменяющие друг друга. В этом он видел важную сторону современной политической географии, которая оказывалась ближайшей помощницей истории. Это хорошо объясняет, почему он одновременно с философией и историей занялся политической географией.

Таким образом, «Политическая география» была написана Тюрго вовсе не случайно. Она явилась существенным дополнением и дальнейшим развитием разрабатывавшихся им принципов понимания истории. Это сочинение должно было, по его замыслу, стать своего рода второй частью «Рассуждения о всеобщей истории».

Если во время написания первой речи, произнесенной в Сорбонне 3 июля 1750 г., Тюрго стоял на грани деизма и, в сущности, трактовал христианство как естественную религию, пытаясь освободить его от всего, что противоречило здравому рассудку, и поэтому, умалчивая о «чудесах» и таинствах, выдвигал на первый план политическую его сторону, то в дальнейшем его деизм сближается с вольтерьянством и с учением Руссо о политической религии. На эту сторону его взглядов уже обращали внимание некоторые русские исследователи. Опираясь на изданное в 1753 г. «Письма о терпимости», Ив. Иванов писал: «Для нас поучителен факт, что идея политической религии не составляет исключительного достоинства Руссо. Это одна из идей всей просветительной философии, только разными философами она выражена с различной определенностью и силой. У Вольтера она намечена, то же самое у Тюрго. Знаменитый министр тоже защитник естественной религии и даже заслугу христианства видит в разъяснении и распространении естественной религии. В то же время он возлагает на государство обязанность следить за нравственным и политическим смыслом религиозных учений и преследовать религию с догматами, враждебными принципам политической власти. Тюрго прямо называет один из таких догматов, именно „препятствующий увеличению числа браков и легкости их заключения“»⁴⁵.

Деизм Тюрго логически вытекал из его материалистического сенсуализма и хорошо сочетался с его рационализмом, с его уважением к физике и другим естественным наукам, с его стремлением освободить историческую науку от подчинения теологии. Едва ли можно сомневаться в том, что деизм был для него лишь удобным способом отделаться от религии, не навлекая на себя ударов со стороны светских и духовных властей. Студент богословского факультета, затем член парламента и помощник прокурора с чином рекетмейстера, затем интендант и министр не мог высказываться по религиозным вопросам совершенно свободно, повинуюсь лишь логике своих рассуждений. Делать административную карьеру, открыто выступая в качестве единомышленника атеистов и республиканцев, было невозможно.

Приходится лишь изумляться тому, с какой ловкостью Тюрго маневрировал в течение долгих лет, сочетая свою административную службу с верностью просветительским идеям. Это удавалось только немногим. Но то, что удавалось Тюрго, превосходило всякое воображение. Ведь его склонность к деистическому пониманию христианства не являлась ни для кого тайной. Она была с достаточной ясностью выражена уже в его ранних произведениях. Еще в 1750 г. Тюрго доказывал, что Библия «описывает изобретения примитивных ремесел — этих плодов первичных потребностей — и последовательность поколений до того момента, когда человеческий род, почти полностью поглощенный всемирным потоком, вновь сократился до одной семьи и был поэтому вынужден возобновиться»⁴⁶. Он

⁴⁵ Ив. Иванов. Сен-Симон и сен-симонизм, стр. 45.

⁴⁶ «Oeuvres de Turgot», t II, p. 628.

не спорил с Библией, а лишь осторожно указывал, что «эта книга... не препятствует нашим исследованиям о том, как люди распространились по земле и как организовывались политические общества»⁴⁷. И все же те, кто его слушал, не могли не видеть, что он, под прикрытием учения о двойственной истине, противопоставлял библейской истории человечества отрицающую ее философскую, т. е. просветительскую, историю, написанную с точки зрения разума, а не веры.

Это было видно хотя бы уже из того, как Тюрго рисовал жизнь древнейших людей, которых он будто бы считал потомками Адама и Евы. Нарисованная им картина нимало не напоминала ту, какая дана в Библии. Первые люди, по его мнению, жили в лесах и были охотниками. Их образ жизни и способ удовлетворения насущных потребностей имели решающее влияние на их расселение по земле. «Среди лесов, без продуктов питания люди существовать не могли. Дикорастущих плодов было слишком мало. Нужно было прибегать к охоте на животных, слишком малочисленных и не могущих обеспечить питанием большое число людей на небольшом пространстве. Это ускорило быстрое расселение и распространение народов. Семейства или маленькие народы, весьма удаленные друг от друга, ибо каждому для добывания средств существования было нужно обширное пространство, таково общество охотников (*l'état de chasseurs*). Они не имеют постоянного жилища и чрезвычайно легко перекочевывают с места на место. Трудность жизни, раздоры, страх перед врагами вынуждают семейства охотников отделяться от своего народа. Тогда они идут без определенной цели, куда ведет их охота»⁴⁸.

В этом замечательном рассуждении жизнь первобытных народов объясняется условиями их существования. Люди на заре человеческой истории, с точки зрения Тюрго, ничем иным, кроме охоты, не могли обеспечивать свое существование. Таким образом, занятие этих людей охотой не было результатом их свободного выбора, а являлось необходимым следствием их общего состояния и окружающей их обстановки. Нетрудно видеть, какой огромный шаг вперед сделал Тюрго по сравнению с Монтескье. Это уже не географический материализм, а нечто большее. Указывая на огромное влияние природы на первобытные народы и их образ жизни, Тюрго уже начинал понимать, что человек имел возможность преодолеть действие неблагоприятных условий природы, развивая свои силы и способности, приучаясь к активному использованию даров природы.

Охотничий образ жизни, по его мнению, таил в себе возможность перехода к скотоводству. Он показывает, как эта возможность в ходе исторического развития превращалась в действительность: «Некоторые животные, как быки, бараны, лошади, поддаются приручению, и люди находят более выгодным объединять их в стада, чем гоняться за дикими блуждающими животными. Всюду, где эти животные встречались — быки и бараны в Европе, верблюды и козы на востоке, лошади в Татарии, олени на севере, — не замедлила установиться пастушеская жизнь»⁴⁹. Переход от охотничьей жизни к пастушеской, разъяснял Тюрго, не мог произойти там, где не было для этого необходимых условий. Так, например, в некоторых частях Америки не было ни лошадей, ни других пригодных для приручения животных и благодаря этому охотничий образ жизни сохранился на долгие времена, прогресс замедлился. «Охотничья жизнь сохранилась в тех частях Америки, где эти породы отсутствовали. Но в Перу,

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid., p. 629.

⁴⁹ Ibidem.

где природа произвела баранов, называемых ламами, появились пастухи, и, вероятно, поэтому эта часть Америки легко приобщилась к культуре»⁵⁰.

Отсюда следовал принципиальный вывод: «Пастушеские народы, имея более обильные и более обеспеченные средства питания, стали более многочисленными. Они начали богатеть и познали преимущества духа собственности»⁵¹.

Все это было очень близко к истине, содержало в себе значительные элементы подлинного историзма, приближало Тюрго к материалистическому взгляду на историю. В приведенных выше рассуждениях явственно видно понимание значения хозяйственной, производственной деятельности для жизни человеческого общества. Тюрго уже вплотную подошел к тому, что производственная деятельность является основой общественной жизни. Это несомненно.

Тюрго понял, что хозяйственная жизнь прошла ряд стадий, необходимо обусловленных природными условиями и общим уровнем развития производительных способностей человека. Тюрго в своем плане общего хода истории отметил, как важно показать, каким путем человек переходит от простого собирательства к активному вмешательству в жизнь окружающей его природы и стал приспособлять ее к своим целям. Следует признать, что в этом отношении Тюрго далеко опередил французских материалистов XVIII в.: Гельвеция, Гольбах, Нежона, даже Дидро. Более того, надо признать, что в этом отношении Тюрго далеко опередил и виднейших представителей немецкой классической философии и исторической науки: И. Канта, Лессинга, И. Фихте, Шеллинга и Гегеля, В. Гумбольдта, Савиньи и Пухты. К Тюрго приближались в этом отношении лишь Кандорсе, Антуан Барнав, Рейналь.

Важнейшей исторической заслугой Тюрго в разработке философии истории было то, что он поставил историю умственной деятельности человека в известную связь с историей его трудовой, хозяйственной деятельности и с развитием форм его общественной организации. Он был одним из тех историков, которые соединяли историческую науку и философию истории с политической экономией. Это соединение оказало весьма плодотворное влияние на все стороны его деятельности и в немалой степени способствовало дальнейшим успехам его научных исследований. Политическая экономия у Тюрго соединялась с историей хозяйственной жизни. Это ясно видно в его главном политико-экономическом труде — «Размышления о создании и распределении богатств»⁵², изданном в 1766 г. При внимательном анализе в нем можно проследить, что Тюрго в известной, правда, ему самому далеко не ясной форме, подходил к пониманию разделения труда на необходимый и прибавочный и к пониманию предпосылок распада общества на антагонистические классы. История общественных классов уже связана у него в какой-то мере с историей собственности и с возникновением имущественного неравенства среди людей. Особенно большое значение придавал Тюрго истории земельной собственности⁵³. Правда, все это дано им в чрезвычайно противоречивой, сжатой и фрагментарной форме, в виде исторических гипотез, не подкреплённых в должной мере фактами. Но замечательно уже то, что Тюрго стремился рассматривать историю хозяйства, права, государства и умственной деятельности в их внутренней связи, как закономерный процесс. Идея закономерности про-

⁵⁰ «Oeuvres de Turgot», t. II, p. 629.

⁵¹ Ibid., p. 630.

⁵² См. «Réflexions sur la formation et la distribution des richesses». — «Oeuvres de Turgot». Paris, 1844, t. I. — Русск. пер. под ред. А. Н. Миклашевского: А. Р. Тюрго. Размышления о создании и распределении богатств. Юрьев, 1905.

⁵³ «Oeuvres de Turgot», t. I. Paris, 1844, p. 7—8.

низывает «Рассуждения о всеобщей истории», «Прогресс человеческого разума», «Политическую географию» и другие ранние сочинения Тюрго.

Внимательное изучение этих произведений показывает ошибочность, односторонность данной Г. В. Плехановым оценки исторических взглядов французских просветителей XVIII в. Г. В. Плеханов спрашивал: «Чем представлялась история французскому просветителю?» И отвечал: «Бесконечным рядом событий, большей частью печальных, без внутренней связи и не подчиненных какой бы то ни было закономерности»⁵⁴. Это верно в отношении П. Гольбаха, Кондильяка, отчасти Мабли и Вольтера. Но, как ясно из всего установленного выше, неточно в отношении Тюрго. Не совсем верно это и в отношении Дидро, Буланже, Кондорсе и Рейналя. Настало время внести коррективы в эту несколько одностороннюю точку зрения. Выделяя Тюрго как историка и воздавая ему должное в этом отношении, мы делаем шаг в этом направлении. Не подлежит никакому сомнению, что Тюрго смотрел на историю как на закономерный процесс, протекающий с внутренней необходимостью. Идея закономерности исторического процесса и заложенной в нем внутренней необходимости резко выделяет Тюрго на общем фоне французских историков просветительского направления.

Особого внимания заслуживает данное Тюрго объяснение причин войн и их последствий для исторического развития человеческого общества.

На первоначальных ступенях истории человечества войны велись, по мнению Тюрго, с целью грабежа соседей и овладения продуктами их труда. «Честолюбие или, скорее, жадность, которая у варваров заменяет честолюбие, толкала их к грабежам и в то же время придавала им смелость»⁵⁵. Хотя это и не единственная причина первобытных войн, но она, несомненно, одна из важнейших. Как указывал Ф. Энгельс, на ранних стадиях исторического развития война существует рядом с производственной деятельностью и рассматривается как равноценная ей форма деятельности. Тюрго был близок к этому взгляду. Он видел в войнах одну из причин возникновения рабства. Побежденных стали превращать в рабов для того, чтобы переложить на их плечи труд по наблюдению за стадами. Это стало возможно потому, что труд скотовода-пастуха более производителен. Он способен прокормить больше людей, чем это нужно для ухода за стадами. «Стада доставляют их обладателям заботы, которых не знают охотники. Но зато они кормят большее количество людей, чем это нужно для ухода за ними. Отсюда возникла диспропорция между быстротой передвижений незанятых людей и этими нациями. С того времени нация не могла избежать сражений против толпы отважных людей, будь то охотники или члены других кочевых пастушеских народностей, которые, победив, становились хозяевами стад, а иногда прогонялись пастухами-всадниками, если стада последних состояли из лошадей и верблюдов. И так как страх голодной смерти удерживал побежденных от бегства, то они подвергались участи животных и становились рабами победителей; последние кормили их за труд по охране их стад. Господа, освобожденные от всех забот, подчиняли себе таким же способом других людей. Так возникали маленькие народы, которые в свою очередь образовывали большие. Эти народы распространялись таким способом по всему континенту до тех пор, пока какие-нибудь непреодолимые преграды не останавливали их»⁵⁶.

⁵⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 68.

⁵⁵ «Oeuvres de Turgot», t. II, p. 630.

⁵⁶ Ibidem.

Таким образом, Тюрго дал замечательное по своей глубине для того времени объяснение происхождения рабства на основе кочевого скотоводства. Он правильно объяснил, почему рабство не могло возникнуть у охотничьих народов. Главную причину различий между охотничьими и кочевыми народами Тюрго видел в конечном итоге в уровне производительности труда. Он понял и объяснил превосходство скотоводческих кочевых народов над народами, еще продолжавшими жить главным образом охотой. Кочевые народы оказались сильнее во всех отношениях потому, что они располагали скотом — лошадьми, верблюдами и т. д., которые стали могучими орудиями в их руках. Скот он рассматривал именно как средство труда и как орудие во время войн между разными народами. Охотники не могли противостоять кочевникам. «Вторжения кочевников оставляли больше следов, чем набеги охотников. Благодаря досугу они умножили свои желания и стремились туда, где надеялись найти добычу. Они оставались там, где находили пастбища, и смешивались с местным населением. Пример одних поощрял других. Эти потоки увеличивались в своем движении. Народы и языки непрерывно смешивались»⁵⁷.

Смешению племен, народностей и народов Тюрго придавал большое значение и считал его фактором исторического прогресса. Но он видел не только интеграцию, а и дифференциацию народов и при этом стремился найти хозяйственную основу этих процессов. «Когда грабить становилось нечего, различные орды кочевников находили невыгодным оставаться в одном месте. Их вынуждало отделяться также и размножение стад»⁵⁸.

Против этого трудно что-либо возразить и сейчас. Надо отдать должное Тюрго, он неплохо понял внутренние закономерности кочевого скотоводческого хозяйства. Дальнейшее развитие исторической науки уточнило и конкретизировало его выводы, но не опровергло их.

Тюрго стремился понять внутренние причины, обусловившие переход от скотоводства к земледелию и от кочевого образа жизни к оседлому. Оседлое земледелие рассматривается им как более высокая ступень развития человеческого общества, необходимо вытекающая из кочевого скотоводства. Кочевники не могли навсегда остаться кочевниками. Но для того чтобы переход к земледелию стал возможным, для него должны быть подготовлены соответствующие условия. Наличие плодородной почвы, по мнению Тюрго, облегчало этот переход. «Кочевые народы, находившиеся в плодородных странах, без сомнения, первыми перешли на положение земледельцев. Охотничьи народы, обеспечивавшие свое существование охотой, лишённые помощи животных для удобрения и обработки полей, не могли так скоро перейти к земледелию. Если они обрабатывали некоторые земли, то в малых количествах. Когда земля истощалась, они переносили свои жилища в другое место. И если в конце концов они оставили кочевую жизнь, то только в результате весьма медленного прогресса»⁵⁹.

Эти рассуждения не совпадают с положением Г. В. Плеханова, что «„философы“ видели в истории лишь сознательную деятельность людей (более или менее „мудрых“, а очень часто и весьма немудрых, как мы это видели); но видеть в истории одну лишь сознательную деятельность людей — это значит чрезвычайно ограничивать свой кругозор и быть удивительно поверхностным»⁶⁰. Тюрго уделил большое внимание как раз бессознательной, стихийной деятельности людей под давлением окружающих их об-

⁵⁷ «Oeuvres de Turgot», t II, p. 630.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibid., p. 631.

⁶⁰ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т II, стр. 70.

стоятельств, ими унаследованных или приобретенных, оказывавших на них влияние независимо от их воли и желаний. Это, безусловно, является одной из его крупных научных заслуг перед потомством. Правда, ему не удалось избежать преувеличений в оценках роли честолюбцев, князей и королей, императоров, министров, но он все же указывал, что честолюбцы «бессознательно шли туда, куда толкали их страсти и неистовства»⁶¹; что если им временами и приходилось способствовать увеличению счастья и прогрессу человеческого рода, то они делали это стихийно, вовсе не ставя подобных задач⁶².

Внимательное изучение творчества Тюрго заставляет нас внести некоторые коррективы в привычные, ставшие традиционными представления. Тезис о сплошном антиисторизме французских просветителей, об их желании признавать стихийные закономерности общественно-исторического развития, правильный в целом, нуждается в некоторых поправках. Несомненным исключением из него являются взгляды Тюрго. Нужно признать, что Тюрго было присуще известное чувство историзма. Содержащиеся в его работах по философии истории элементам стихийной диалектики историки-марксисты не уделяли должного внимания.

Общий эскиз исторического прогресса, нарисованный Тюрго, был, бесспорно, чрезвычайно интересен для своего времени. Однако большинство верных и замечательных истин, мимоходом высказанных Тюрго в его трудах по философии истории, ему самому еще не были вполне ясны, ибо он натолкнулся на них стихийно при попытке рассмотреть всемирную историю, так сказать, с птичьего полета. То, что было ему ясно в общей связи, он оказался не в силах выделить и изложить в виде четко сформулированных теоретических положений. Он не придал должного значения своим наблюдениям, не развил и не конкретизировал их. Они так и остались неразвернутыми и неразработанными.

Совершенно ясно, что Тюрго был обуреваем сомнениями. Ход его мысли расходился с взглядами его виднейших современников и представителей старшего поколения философов: Вольтера, Дюмарсе, Мабли, Гольбаха, Гельвеция и Нежона. Поддержать его не решился даже Дидро, вообще очень чуткий к новым идеям, развиваемым на основе материалистического мировоззрения. Это вносило разлад в его собственные мысли и заставило его, вольно или невольно, отойти от своих взглядов, сделать уступки господствовавшим среди просветителей идеалистическим воззрениям, проявить непоследовательность. Иногда ему казалось, вопреки всему тому, что он установил при общем обозрении хода всемирной истории, будто решающую роль в истории играли успехи человеческого разума, прогресс наук и искусств. Тюрго сбивался иногда на эту точку зрения не только вследствие того, что собственное понимание истории ему не удалось разработать в достаточно четкой форме и во всех отношениях подкрепить фактами (историческая наука еще не успела их собрать и проанализировать), но еще и потому, что эта точка зрения была широко распространена среди просветителей и обусловлена общим уровнем развития исторической науки. Она гораздо больше соответствовала общему состоянию науки об обществе в середине XVIII в., чем система исторических взглядов, которую изложил Тюрго.

Вообще не случайно, что Кондорсе, талантливейший из последователей Тюрго, озаглавил свою книгу «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». Это заглавие показывает, что самым существенным в процессе исторического развития человечества, с точки зрения автора, был

⁶¹ «Oeuvres de Turgot», t. II, p. 631.

⁶² Ibidem.

прогресс человеческого разума. Кондорсе был весьма далек от того, чтобы рассматривать историю человеческого общества как естественноисторический процесс, как процесс смены форм экономического и политического устройства, в рамках которого развиваются науки и искусства, философия и человеческий разум в целом. Наоборот, разум, по мнению Кондорсе, это важнейший двигатель человеческой истории. Человеческое общество шло вперед лишь благодаря успехам разума. Это — типично идеалистическая точка зрения.

В этом взгляде Кондорсе отражена лишь половина, притом не самая лучшая половина, общественно-исторических воззрений Тюрго. Кондорсе оказался не в состоянии развить и усовершенствовать то, что было в общественно-исторических воззрениях Тюрго самым лучшим, подлинно важным прозрением. Элементов материалистического понимания истории у Кондорсе было гораздо меньше, чем у Тюрго. У него нет тех гениальных проблесков стихийной диалектики, которыми так богаты «Рассуждения о всеобщей истории» и другие ранние работы Тюрго. Не сохранил и не усовершенствовал Кондорсе и тот блестящий анализ классово-структуры зарождающегося буржуазного общества, который был дан Тюрго в его «Размышлениях о создании и распределении богатств». У Кондорсе не было и того уважения к экономической деятельности, которое привело Тюрго к усиленным занятиям политической экономией, укрепившим его в убеждении, что развитие человеческого общества определяется в первую очередь хозяйственной деятельностью, развитием сельского хозяйства, ремесла, промышленности, торговли, городов и путей сообщения⁶³.

Итак, среди передовых мыслителей XVIII в. философия истории Тюрго не нашла себе настоящего продолжения и глубокого развития. Его последователи оказались не в состоянии отказаться от объяснения исторического процесса развитием идей. Хотя французская революция 1789—1794 гг. разбила веру в торжество разума и породила разочарование в идеалах великих просветителей, она дала новые импульсы к работе над философией истории. Благодаря ей был сделан новый шаг в процессе познания движущих сил, определяющих ход истории. Французская революция побудила философов и историков заинтересоваться деятельностью народных масс и выяснением их влияния на ход истории. Этим занялись Сен-Симон и вслед за ним — французские историки времен Реставрации Огюстен Тьерри и Минье. Они по-новому взглянули на историю средних веков и, критикуя воззрения Вольтера и Гельвеция на средние века и феодализм как на историческую эпоху, не заслуживающую внимания историка и являющуюся временем торжества невежества и суеверий, были вынуждены присоединиться к той оценке европейского средневековья, которую дал Тюрго, указывавший на огромную роль городов в преодолении экономической и политической отсталости и в подготовке ростков нового общественного строя. Но Минье и Огюстен Тьерри оказались продолжателями Тюрго не только в этом отношении, а и в ряде других. Стремясь доказать закономерность и необходимость французской революции конца XVIII в., они возвращались к взгляду Тюрго на историю как на процесс, развивающийся с внутренней необходимостью, процесс в котором все стадии необ-

ходимы.

Но вопрос об отражении исторических идей Тюрго в исторической литературе XIX в. может и должен стать темой особой работы.

⁶³ Указание на это есть у В. П. Волгина в его книге «Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке», М., 1958, стр. 93

ТЮРГО **Анн Робер Жак**

10.05.1727 – 18.03.1781

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#turgot>

подборка ссылок

А.-Р.Ж.Тюрго. **Избранные философские произведения**

/ Перевод с франц. И.А.Шапиро

М.: гос. Социально-экономическое изд-во. 1937

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p105193523.htm>

Я.Захер. **Тюрго**

/ Серия "Биографическая библиотека" (

М.: государственное изд-во. 1919)

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p79951619.htm>